

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4277487>

УДК 94+322+ 323.1

Якупов Р.А. Якупова Д.В.

Якупов Роман Александрович, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет. 440026, Россия, Пенза, Красная ул., 40. E-mail: penza.pr58@mail.ru.

Якупова Дарья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет. 440026, Россия, Пенза, Красная ул., 40. E-mail: bubnova90@mail.ru.

Этноконфессиональный вопрос в СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в оценках ЦРУ

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступает поиск причинно-следственной связи между религиозной активностью населения Советского Союза и мобилизацией этнических меньшинств за самоопределение и независимость, состоявшейся на фоне глобальных социально-политических изменений и старта информационной революции. Теоретико-методологические основы исследования базируются на междисциплинарном синтезе в рамках парадигмы системных исследований. Авторы приходят к заключению, что этнополитические просчеты власти на территориях с компактным проживанием мусульманского населения и католиков активизировали рост антисоветских настроений, а к концу 1980-х гг. послужили мобилизационной основой революций за суверенитет.

Ключевые слова: этничность, ислам, модернизация, СССР, христианство, информационная революция, конфессиональная политика, нация, национализм, этническая мобилизация.

Yakupov R.A., Yakupova D.V.

Yakupov Roman Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Penza State University. 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: penza.pr58@mail.ru.

Yakupova Daria Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Penza State University. 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: bubnova90@mail.ru.

Ethno-confessional issue in the Soviet Union in the second half of the 1970s – early 1980s in estimates CIA

Abstract. The subject of this research is the search for a cause-and-effect relationship between the religious activity of the population of the Soviet Union and the mobilization of ethnic minorities for self-determination and independence, which took place against the background of global socio-political changes and the start of the information revolution. The theoretical and methodological foundations of the research are based on an interdisciplinary synthesis within the paradigm of systems research. The authors conclude that the ethno-political miscalculations of the authorities in territories with a compact population of Muslims and Catholics intensified the growth of anti-Soviet sentiment, and by the end of the 1980s served as a mobilization basis for revolutions for sovereignty.

Key words: ethicality, Islam, modernization, Soviet Union, Christianity, information revolution, denominational politics, nation, nationalism, ethnic mobilization

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00261 «Социально-политическое развитие СССР в конце 1970-х–1991 г. в аналитических обзорах Центрального разведывательного управления».

Одним из важных аспектов социально-политического развития СССР и России выступает этноконфессиональный фактор. Взаимосвязи процессов модернизации и этнополитического развития постсоветской России посвящено солидное количество статей (Р.Г. Абдулатипов, В.Ю. Зорин, В.В. Амелин, К.В. Калинина, В.Н. Лысенко, В.А. Михайлов, Л.В. Хоперская, А.А. Чичановский и др.). С методологических позиций предмет исследования освещали зарубежные (W.K. Deutsch, T. Eriksen, W. Schnee, J. Armstrong, A. Беннигсен и др.) и отечественные ученые (Г.П. Федотов, С.В. Соколовский, А. Миллер, Л. Перепелкин, О. Шкаратау, Г.И. Марченко, Э. Геллнер и др.) [1, 4, 6, 7, 10, 27, 28, 31, 33, 36, 42]. Вместе с тем отметим, что контент данных работ ориентирован на сопереживание распада СССР и кризиса идентичности. Периодизация работ концентрируется на конце 1980-х – начале 1990-х, хотя очевидно, что очаги этнической напряженности возникли значительно раньше и по целому ряду причин. Деконструирование этнической части от религиозной вообще стало обществоведческим мейнстримом [38]. Вместе с тем, попытки объективизации изучения этноконфессионального вопроса в единстве, в том числе через сопоставление взглядов зарубежных политических оппонентов с реакцией советского руководства на данные события практически не предпринимались.

В советской конституции 1977 года институты атеистической пропаганды и свободы совести закреплялись одновременно, что само по себе не отвечало вызовам времени, обостряло неоднозначно решенный в советском обществе национальный вопрос в развитии народностей и территорий СССР. Зарубежные аналитики считали, что для большинства советских верующих граждан «религия не считалась инакомыслием, а во многом выступала альтернативным источником инакомыслия» [34]. В разведдокладах ЦРУ религия в СССР описывалась как

«наиболее распространенное проявление неприятия официальных ценностей атеистического советского режима, не представлявшее угрозы режиму» [34]. Из-за большого количества запретов, большинство верующих в СССР были членами зарегистрированных и «официальных» церквей. Именно поэтому государственная политика СССР в отношении религиозных объединений основывалась в первую очередь на упорядочивании и фиксации действующих и вновь выявленных организаций, недопущения проникновения экстремистских идей в религиозные культы.

В целом, к 1 января 1983 года в СССР действовали 15,5 тыс. религиозных объединений, из которых только 12243 были зарегистрированы. По стране сеть действующих религиозных объединений за год (1981–1982) сократилась на 162 единицы. Определенные изменения произошли и в религиозной обрядности. В 1982 г. было совершено 791 683 крещения, что на 4,9% меньше по сравнению с 1981 годом.

Особое внимание уделялось упорядочению сети религиозных объединений, состоящих из верующих немецкой национальности. В 1982 году только в Казахской и Таджикской ССР и РСФСР были выявлены более 150 таких обществ и групп. Во многих местах была «парализована» активная деятельность так называемых «сектантских экстремистов», особенно из числа сторонников Союза церквей евангельских христиан-баптистов, крайних меннонитов (протестантская деноминация), пятидесятников и «Свидетели Иеговы» [11, л. 30].

В то же время советский режим активно сохранял господствующий статус Русской православной церкви. По мнению ЦРУ, советские власти предоставляли ей «привилегии (больше литературы и церковных зданий), стремясь отвлечь верующих от церквей, связанных с антисоветским национализмом» [34]. К тому же использование института православной церкви для пропаганды свободы совести

в стране и на международной арене стало ко второй половине 1970-х годов новым направлением публичной дипломатии СССР на волне разрядки. Православные институты выступили основой движения за мир и снижение геополитической напряженности, одновременно позиционируя положительный образ религиозной политики СССР.

В ЦК КПСС докладывалось, что православное духовенство, за некоторым исключением, являлось лояльным, активно поддерживало внутреннюю и внешнюю политику СССР. Вместе с тем фиксировались экстремистские проявления со стороны отдельных лиц, особенно из числа сторонников прекратившего свою деятельность так называемого «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР», руководители которого были привлечены к ответственности» [11, л. 31].

Сокращение последователей православной религии, вызванное снижением доли славянского населения, приводило к тому, что в сфере православной церкви только за 1982 год были сняты с регистрации 24 объединения, главным образом в сельской местности, как распавшиеся. Прекращена деятельность 11 церквей, функционировавших без регистрации. С 1976 по 1982 годы сеть действующих зарегистрированных церквей уменьшилась на 67 единиц. К 1983 году Московская патриархия располагала 6870 храмами и молитвенными домами. Без регистрации продолжали действовать 105 православных обществ, в основном на Украине. Параллельно шло, хотя и незначительное, снижение основной религиозной обрядности. За пять лет к 1982 году крещения снизились с 15,9% до 14,61% по отношению к новорожденным, венчания с 1,59 до 1,52% к числу браков; отпевания очные с 10,54% до 9,66% и заочные – с 29,69% до 29,1% по отношению к количеству смертей [11, л. 31].

Встраивание православной церкви во внешнюю политику получило для руководства СССР и обратный эффект. Возможности симметричного ответа на со-

ветскую церковную пропаганду были только у католической церкви, давно ставшей предметом мониторинга конфессиональной ситуации в Советском Союзе. К 1 января 1983 года Римско-католическая церковь насчитывала 1053 объединения. Большинство (39,8%) католических приходов были сосредоточены в Литовской ССР, более 15% – в Латвийской ССР, 9,7% – в Белорусской, 9,3% – в Украинской ССР [11, л. 34].

Отчеты, сохранившиеся в российских архивах, указывают на то, что несмотря на стабилизацию в деятельности католической конфессии, религиозная обрядность с 1978 по 1983 годы несколько сократилась. Попытки «выталкивания» католической религии из обихода советского режима привели к росту числа «неофициальных» служений. В итоге на 1 января 1983 года в РКЦ насчитывалось всего 926 служителей культа, а почти половина ксендзов (Ksiądz) были старше 60 лет. В Литве, например, постоянных ксендзов не имели 139 костелов из 630. Из-за нехватки кадров служителей культа возрастала роль «апостолата мирян», имела место подпольная подготовка ксендзов из числа экстремистки настроенных лиц в Литве [11, л. 35].

Религиозная активность католической церкви традиционно настораживала советский режим по нескольким причинам. Во-первых, во многих западных областях СССР католическая религия усиливала антисоветский национализм, выступала моментом единства ряда этносов, пропагандировала католическую социальную доктрину [24, л. 101-105]. Во-вторых, католицизм открывал двери для инструментов внешнего влияния [35]. Нельзя забывать и тот факт, что в западной традиции присутствует принцип построения политических партий по религиозному признаку. Требования о создании «своих» партий неоднократно встречались у различных течений за самоопределение национальных республик [34].

Религиозные объединения католиков зачастую перерастали в общественные

движения. Так, 13 ноября 1978 года в Литве пятью католическими ксендзами был создан Католический комитет защиты прав верующих, который направил ряд писем с конкретными требованиями в советские государственные органы, а также высоко оценил избрание кардинала Войтылы на папский престол и приветствовал его слова из речи 5 ноября 1978 в Ассизи: «молчащая церковь» более не молчит: она говорит устами папы» [34]. Кроме того, накануне выборов в Верховный Совет в СССР 4 марта 1979 года в Литве организовалась группа аналогичная московской «Выборы-79», которая выдвинула своим кандидатом в депутаты органиста собора св. Петра и Павла в Вильнюсе Эгмонтаса Мешкаускаса.

Коммуникации в форме радиовещания способствовали тому, что Римско-католическая церковь в Советском Союзе стала испытывать влияние идеологической и политической деятельности Ватикана, которым предпринимались меры по укреплению организационного единства католической церкви в СССР, внутрицерковной дисциплины и активизации религиозной жизни. Об этом свидетельствовала проведенная в 1982 году реорганизация Коллегии ординариев в Литве в Национальную епископскую конференцию, возведение в сан кардинала латвийского епископа Вайводса и стремление внести элементы иерархичности в жизнь католических обществ Белоруссии и Украины. Без согласия советских органов власти несколько ксендзов были назначены деканами генерального викария в Белорусской ССР [11, л. 34]. К этому времени уже явно обозначилась активная реакционная деятельность католической церкви и использование ее ресурсов для собраний и работы с молодежью, о чем часто информировало КГБ [12].

ЦРУ так же докладывало об активизации католических общин в СССР. Отмечалось, что «в Украине полусекретная и нелегальная католическая церковная организация имела до 250 священников, проводящих службы в подполье» [34].

Именно в западных областях СССР отмечался рост числа самиздатовской литературы, которую издавали религиозные объединения. Так, «Хроника Литовской Католической Церкви», впервые появившаяся в 1972 году, оставалась в то время одним из самых энергичных самиздатовских журналов в стране [34].

Отечественные архивные сведения подтверждают обстановку в этой части Советского Союза в изучаемый период. Советское руководство было обеспокоено тем, что в западных областях Украины проживали около 900 униатов (священников и монахов), которые действовали в нарушение законодательства о культурах, совершая богослужения в «домашних церквях», при этом захватывали снятые с регистрации церкви [11, л. 31-32].

Идейно-политический аспект католической церкви был предметом постоянного мониторинга советских властей. Так, в Литве и западной Украине, где большинство населения были католиками, церковь исторически была связана со стремлением к независимости. Избрание славянского Папы Римского послужило стимулом к религиозной деятельности на западных окраинах СССР, а визит Иоанна Павла II в Польшу в 1983 году стал настоящим испытанием для государственных органов СССР, ответственных за поддержание общественного порядка и мониторинг религиозной деятельности. Широкое освещение поездки по зарубежному радио и телевидению, вещание которых охватывало западные территории СССР, способствовало активизации религиозной деятельности католических общин на местах [14, л. 47]. Органами госбезопасности сообщалось, что отдельными лицами предпринимались попытки использовать визит Папы Римского для разжигания религиозного фанатизма среди католиков, организуя соответствующую миссионерскую работу [14, л. 48].

Ситуацию отягчало и то, что религиозный экстремизм наиболее ярко проявлялся именно в Литовской ССР, где определенные круги провоцировали ве-

рующих и служителей культа на борьбу за отмену законодательства о культах, предоставление церкви ничем не ограниченной свободы действий, возможности обучения детей религии, издания массовыми тиражами религиозной литературы, допуска к средствам массовой информации для пропаганды религии [11, л. 35]. Национально-конфессиональный вопрос в Литовской ССР постоянно выносился на рассмотрение в ЦК КПСС.

Американская разведка сообщала о попытках политической борьбы в католической Литве на фоне религиозных запретов советского режима. В частности докладывалось о том, что «в Литве Комитет по защите прав верующих католиков активно ходатайствовал о прекращении репрессивного законодательства против религии» [34]. В отчете Совета по делам религий СССР упоминается письменное обращение в органы советской власти в ноябре 1982 года от «многочисленной группы служителей культа – последователей так называемого Комитета защиты прав верующих католиков – с требованием равноправного партнерства церкви с государством, прекращения атеистической пропаганды и изменения законодательства о культах в пользу церкви» [11, л. 35]. Данные обращения стали частью борьбы литовского этноса за самоопределение. ЦРУ докладывало, что аналогичное обращение состоялось и в 1983 году, когда «99 литовских священников направили генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову письмо в защиту двух арестованных священников-диссидентов». За этим письмом последовала петиция с призывом освободить священников, которую подписали 123 тыс. литовцев [34].

Выявлялось органами КГБ и влияние соседней Польши на деятельность реакционного католического клира в Чехословакии [15, л. 12-14]. Один из первых таких эпизодов был зафиксирован еще в 1967 году – накануне событий Пражской весны [16].

Религиозная обрядность во многих нетрадиционных для СССР конфессиях в изучаемый период также несколько сокращалась, а в некоторых – оставалась на прежнем уровне. Так, за год число крещений в обществах христиан-баптистов снизилось с 7422 до 7273, Адвентистов седьмого дня – с 1057 до 1016, евангельско-лютеранской церкви – с 4241 до 4139, меннонитов – с 220 до 174. В протестантской церкви без регистрации действовали около 2500 групп. Уклонялись от регистрации большинство объединений пятидесятников (652), сторонники Совета церквей (около 500), группы «Свидетели Иеговы» (около 400) [19, л. 33-34].

Американские аналитики отмечали, что «многие незарегистрированные протестантские «секты» (баптисты и пятидесятники) привлекали в СССР большое количество населения по всей стране, а тысячи пятидесятников продолжали обращаться за эмиграционными визами, несмотря на абсолютный отказ режима предоставить их. При содействии некоторых зарегистрированных баптистских конгрегаций неофициальные баптисты издавали три самиздатских журнала, один из которых выходил тиражом в тысячу экземпляров ежемесячно» [35]. Отметим, что часть самиздатской литературы, публикуемой неофициальными церквями, носила чисто религиозный характер, другая более политизирована и была посвящена правам человека, жертвам войны в Афганистане и т.д.

Сдерживание в СССР приверженности населения к католическим и нетрадиционным культам ко второй половине 1970-х годов сменилось новым направлением госполитики – необходимостью упорядочивания сети исламских религиозных объединений. Если повсеместный госконтроль христианских течений находился в русле «торможения» развития католицизма идущего с запада, то исламская религия в поле зрения государства стала попадать после того как завершилась реальная оценка ситуации на местах по итогам всесоюзной переписи населе-

ния. В период с 1970 по 1979 год средний прирост населения среди мусульманских районов СССР составил 22%, а среди русских – 6,5% [44]. При этом родным русский язык назвали лишь 16,3 млн человек, проживающих в национальных регионах, что в целом разрушало иллюзию полувековой языковой ассимиляции [8, с. 26-27]. Только в Северо-Кавказском регионе за 10 лет к 1979 году население увеличилось более чем на 1 млн человек [9, с. 253].

По итогам изучения переписи населения 1979 года в Советском Союзе ученые насчитывали 43,4 млн мусульман [38, р. 3]. В докладах ЦРУ 1984 года фигурирует цифра уже о «47 миллионах мусульман Советского Союза (около 18% населения)» [44]. Аналитики из Лэнгли в своих выводах отмечали, что «СССР была многонациональной империей с вечной проблемой отношений между доминирующей этнической группой (славянами), которые составляли только 52% всего населения, и народами, находящимися под советским господством. При этом он был решен не лучше, чем в Австро-Венгерской или в Османской империях» [44].

Подсчеты духовных ресурсов в среде мусульманского населения показывали колоссальное расхождение между официальной статистикой и реальной ситуацией. К примеру, в Курган-Тюбинской области Таджикской ССР, где на бумаге числились две зарегистрированные мечети, в ходе мониторинга были выявлены 70 культовых зданий, «построенных верующими под видом чайхан путем захвата колхозных и совхозных земель» [11, л. 39]. Постановлением ЦК КПСС поручалось узаконить построенные мечети, однако на местах в политике были перегибы. Так, вместо регистрации местные власти, ссылаясь на постановление Совета по делам религий, попросту отнимали мечети, что порождало негативные настроения к власти среди верующих. В итоге за 5 лет (1979–1983) удалось зарегистрировать лишь 57 мусульманских религиозных объединений. Это давало повод части ду-

ховенства широко распространять слухи об «ущемлении прав» народов Советского Востока [11, л. 40].

Рост числа незаконного строительства мечетей и численности неславянского населения на азиатских территориях СССР вкупе с началом войны в Афганистане способствовали расширению мониторинга активности исламских религиозных объединений. Отметим, что по признанию Совета по делам религий СССР, деятельность мусульманского культа была наименее исследована и упорядочена советскими госструктурами. В Союзе на законных основаниях к 1982 году действовали всего 374 мусульманских религиозных объединения и около 1000 служителей культа. В десятках тысяч населенных пунктах вся религиозно-обрядовая практика находилась в руках незарегистрированных мулл [11, л. 37]. Выявление ячеек салафизма и суфизма стали новым вызовом советскому режиму в деле этноконфессиональной политики конца 1970-х – 1980-х гг., а вместе с тем, послужили дополнительной основой в решении вопроса о сроках пребывания контингента советских войск в Афганистане [5; 30]. Отметим, что ни салафизм, ни суфизм в изучаемый период не получили широкую поддержку в Татарской и Башкирской АССР, вступая в противоречие с местными этнокультурными обычаями и нормами традиционного для Поволжья ханафитского мазхаба суннитской канонической правовой школы.

В СССР начали осознавать потенциальную опасность, которую мог в себе нести ислам, после того как в 1978-1979 годах, были проведены первые исследования по религиозной социологии в Средней Азии и на Кавказе. В ЦРУ отмечали, что «после 60 лет антирелигиозных усилий 80% этнического населения Центральной Азии и Кавказа причисляли себя к «мусульманам», от 10 до 15% из них являлись ортодоксальными верующими и менее 20% – атеистами [44].

В 1979 году на фоне свершившейся Иранской революции западные академи-

ческие круги начали массивно заниматься мусульманской темой. На конференции, организованной исследовательской службой Конгресса США 8 февраля 1980 г., эксперты обсуждали текущее состояние дел не только в Иране, но и в мусульманских регионах СССР [39]. «Возрождение исламского фундаментализма на Ближнем Востоке и война в Афганистане несколько подняли мусульманское сознание в советской Центральной Азии, где ислам исторически служил объединяющим фактором сопротивления российскому господству», – сообщалось в разведсведениях ЦРУ [35]. В Лэнгли докладывали, что «полностью развитая подпольная религиозная структура существовала в мусульманских районах Центральной Азии и Кавказа, где были организованы незаконные семинарии по обучению мулл» [35]. Сообщалось также, что незначительное возрождение, особенно на Северном Кавказе, получили адепты суфийских братств (тарикаты) признаваемые в СССР за их «фанатизм и национализм» нелегальными. Однако отметим, что до 50% верующих мусульман Чечено-Ингушской ССР считались суфитами [38, р. 64].

Действительно, КГБ в марте 1979 года докладывало о том, что иранские базы подготовки вооруженных отрядов исламистов рассматриваются как плацдарм для совершения подрывной работы против СССР и Афганистана [20]. Позиция силового блока СССР в отношении использования исламского фактора в политических целях неоднократно находят отражение в постановлениях Политбюро ЦК КПСС.

Апогеем наблюдений за деятельностью мусульманских общин в СССР стало то, что представители наиболее реакционной части незарегистрированного духовенства (200 потомков ишанов, действующих в Средней Азии, по данным КГБ были экстремистки настроенными муллами) не только вели религиозную деятельность, но и подстрекали население к отказу от службы в Афганистане,

запрещали своим детям вступать в пионеры и комсомол, создавали подпольные религиозные школы по обучению детей и взрослых, размножали и распространяли материалы зарубежных радиостанций, разжигали националистические настроения, пропагандировали религиозный фанатизм.

Отметим, что в СССР с запозданием осознали роль коммуникаций, что определило нехватку ресурсов для контрпропаганды. Так, к 1970-м годам единственным ведающим делами печати среди муфтиятов СССР было Духовное управление Средней Азии и Казахстана, издававшее на пяти языках ежеквартальник «Мусульмане Советского Востока». В советской интернациональной прессе широко освещалась возможность советских мусульман использовать свои обычаи и традиции, строить мечети и молиться, хотя в местных газетах сохранялась риторика того, что «прогресс социалистических наций постоянно устранял религиозное влияние из народных традиций и обычаев» [43]. Но эффективность советской «агитационной машины» в этой части была низкой: в шести мусульманских республиках СССР теле- и радиопередачи велись на русском, хотя западные оппоненты поставили себе задачу вещания на этнотерриториальном диалекте. Так, на фоне революции в Иране 1978-1979 годов советское мусульманское сообщество первым попало в объектив деятельности зарубежных органов пропаганды, выступая реперной точкой начала информационной войны. Сегодня в рассекреченных сведениях сообщается, что все их действия были объединены понятием «программы эксплуатации инкомыслия в Восточной Европе и СССР». Перечень такого рода мероприятий подготовило, например, Информационное коммуникационное агентство США – USICA (United States Information Communication Agency). На конференции в январе 1980 года, под символическим названием «Коммуникации с советским мусульманским миром», эксперты аген-

ства заключили, что «ислам служит культурной традицией и объединяющим фактором против посторонних, а советская мусульманская элита, хотя и принимает преимущества современности и концепцию социализма, но не приемлет господства как русских, так и других европейских народностей» [32].

Свою программу «Мусульманский мир» предложила и «Информационная служба зарубежного вещания» FBIS (Foreign Broadcast Information Service), которая включала так называемые меры по расширению «поддержки аналитических усилий»: расширение местных трансляций до 11 советских центрально-азиатских станций, включая 7 радиостанций регионального уровня; обеспечение оптимального приема средневолновых и коротковолновых передач, исходящих из арабских стран, Турции, Ирана и СССР; расширение охвата советской среднеазиатской местной национальной прессы с 11 до 35 публикаций; улучшение анализа средств массовой информации в целях включения выходных данных из источников радио и прессы в мусульманских районах Советского Союза [37].

Кроме того, США в 1979 году в рамках «афганских санкционных мер» в отношении СССР настоятельно призывали «Великобританию, ФРГ и Францию к увеличению вещания в мусульманских странах и советской Центральной Азии» [40, р. 721-722].

Не удивительно, что при таких усилиях зарубежных оппонентов регистрировались факты организации нелегальным мусульманским духовенством коллективных прослушиваний передач зарубежных радиостанций, что в то время не поощрялось [17, л. 1-25]. По сведениям ЦРУ, мусульмане в Советской Азии слушали радиопередачи из Турции, Египта и других исламских стран [32]. Именно поэтому, «учитывая роль мусульманских районов и народов в будущем Советского Союза и их стратегическое местоположение», было заявлено «о необходимости немедленного пересмотра программ

USICA – расширить эфирное время и языковой охват трансляций «Голос Америки» (VOA), включив азербайджанский язык и увеличив узбекский и фарси» [32].

Органы КГБ все чаще стали фиксировать случаи насаждения антирусских и антисоветских настроений среди верующих. В Кулябской области Таджикской ССР был задержан незарегистрированный служащий культа, который с группой других верующих распространял фетву, что «советских солдат, погибших в Афганистане, нельзя хоронить по шариату, так как они воевали против истинных мусульман Афганистана» [11, л. 41]. С конца 1970-х – начала 1980-х годов мусульмане-шииты Азербайджанской ССР стали получать широкий доступ к богословским трудам иранского имама Хомейни [2, с. 81].

Вместе с тем, не стоит преувеличивать вклад зарубежной пропаганды в раздразнивание и рост антисоветизма на Советском Востоке. Западный агитпроп хотя и мусировал в духе подстрекательства тезис о том, что в США и Европе поддерживается этническое и конфессиональное разнообразие, но куда больше вносили вклад в ненависть к советскому режиму неумелые движения как союзной власти, так и властей азиатских союзных республик. Так, реакция коммунистической партии на очевидный процесс исламизации общественно-политической жизни в азиатских регионах была в очередной раз скорректирована на борьбу [3, л. 40-45]. Проведенный партийным руководством анализ ситуации в сфере работы с мусульманским населением в связи с обострением религиозной ситуации в регионах традиционного распространения ислама лег в основу очередного постановления ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама» [25, л. 1-2]. После назначения Ю.В. Андропова, ЦРУ констатировали «полный отказ руководства СССР от сотрудничества с духовными управлениями мусульман» [44]. Более того, усилилась советская агитационно-пропагандистская работа, причем не про-

тив «официального» ислама, а ислама вообще. В 1983 году в СССР были выпущены 49 «антимусульманских» произведений тиражом более 500 тыс. экземпляров по сравнению с 37 тыс. в 1982 году и всего лишь около 20 тыс. в 1981 году [44]. Это, в свою очередь, только обострило вопрос защиты этнокультурных ценностей местным населением. Под рупор зарубежных СМИ в религиозной обстановке Средней Азии у населения стали созревать новые «нездоровые» тенденции, выразившиеся в массивном распространении ортодоксальных течений ислама [18, л. 58-62].

Рост доли неславянского населения, сокращение объема ресурсов, выделяемых конкурирующим региональным группам, и влияние, в том числе с помощью коммуникаций, событий в Польше и Афганистане на некоторые советские национальности и конфессии, привели к возникновению новых источников трений между этническими группами. Победа исламского фундаментализма в Иране преподносилась как угроза для СССР не только в идеологическом плане, но и в геополитическом. По мнению госструктур США, «южные границы Союза вполне могли быть восприняты советским руководством как катализатор для пробуждения националистических настроений и стремления к независимости шести советских среднеазиатских республик с мусульманским населением» [45, р. 342].

Национализм также поднимал волну эмиграционных кампаний среди ряда религиозных и этнических меньшинств – немцев, пятидесятников, армян, 25 тыс. этнических греков, а также евреев [41]. Несмотря на то, что в 1980 г. эмиграция сократилась, но вместе с тем за 1979 год из СССР только по визам в Израиль эмигрировало 50461 чел. и еще 345 человек – в США.

В Прибалтике, возросли шансы на сближение диссидентства и народного протеста на фоне темы «экономических лишений и российского господства» [34].

Так, еще с конца 1960-х гг. в Литве действовали антисоветские националистические группы «Восстановители независимости Литвы». С 1972 года литовский Каунас негласно стал еще одним центром антиобщественных и националистических проявлений в СССР после Праги [18, л. 62-65]. В 1972 году беспорядки после самоубийства в форме самосожжения учащегося в Литве закончились массовыми беспорядками с участием 2 тыс. человек под лозунгами «Дайте свободу!», «Свободу Литве!» [21, л. 16-17]. О выявлении антисоветских националистических групп сообщалось из Львовской и Ивано-Франковской областей Украинской ССР.

По информации Политбюро ЦК КПСС в русскоязычной среде широко распространялись переселенческие настроения, резко возрос поток коллективных и индивидуальных писем с просьбой «защитить некоренное население или предоставить возможность выехать на место жительства в РСФСР». По вышеобозначенным причинам к середине 1980-х годов резко обострились отношения между литовским и инонациональным населением. В районах Литвы, где поляки составляли большинство, стихийно создавались автономные национальные Советы. Нарастала решимость инонационального населения отстаивать свои права путем стачечной и других крайних форм политической борьбы [26, л. 6]. На государственном уровне последовательно предпринимались шаги, направленные на разрыв федеративных связей с СССР: размежевание по национальному признаку, переход в 1986 году значительной части членов партии коренной национальности на платформу Литовского движения за перестройку «Саюдис», стремившегося к восстановлению «довоенной Литовской республики» [26, л. 2].

Продолжали активно бороться за демиграцию группы крымских татар. Телеграммы, в которых вновь ставился вопрос о возвращении их на прежнее место жи-

тельства в Крым, поступали из Самарканда и Ташкента [22, л. 135]. Зачастую организовывались протестные мероприятия. Так, 27 апреля 1968 года в совхозе Халкабад Янгиюльского района Ташкентской области тюрки-переселенцы из Грузии организовали массовое выступление совместно с представителями Узбекской, Казахской и Киргизской областей с требованием о распространении на тюрков Указа Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации крымских татар [23, л. 29-30].

Еще в 1968 году КГБ Армянской ССР были задержаны группа молодежи, у которой изъяты 1025 листовок с призывом к армянской молодежи, интеллигенции и народу добиваться признания даты «24 апреля» днем официального траура, бороться за чистоту армянского языка, сохраняя от ассимиляции армянскую нацию [23, л. 26]. В этот же год Комитетом госбезопасности Армении ликвидирована антисоветская националистическая организация «Национальная объединенная партия», которая ставила своей задачей борьбу за выход Армении из состава СССР и создание независимого армянского государства [23, л. 111]. Участниками данной организации, по версии следствия, были организованы теракты в московском метро.

Стала особенно чувствительной языковая политика. Республиканские элиты были возмущены тем, что восходящая мобильность во многих областях зависела от владения русским языком и русскими культурными нормами. Сдвиги в государственной языковой политике, призванные придать дополнительный импульс изучению русского языка и угрожающие статусу местных языков, вызвали серьезное сопротивление. В Грузии, например, в 1978, 1980 и 1981 годах прошел ряд масштабных демонстраций и протестов по поводу языковой русификации. И если в 1978 году в Грузии прошли протесты против конституционного закрепления русского как единственного республиканского языка, то, например, в

1981 году – с требованием расширенного изучения в школе и ВУЗах грузинской истории и более действенной реализации ст.75 Конституции ГССР об использовании и развитии грузинского языка. Но в самой Грузии существовали и внутренние противоречия. Так, в Сухуми абхазское население активно проводило работу по самоопределению от Грузинской АССР. Одним из политических требований этнической группы было переименование ряда населенных пунктов, разъездов с грузинских на абхазские названия [22, л. 71].

В Прибалтийских республиках прошли аналогичные публичные протесты. В 1980 году таллинские студенты протестовали против принуждения к чтению по-русски в школе и против назначения русского министра образования Эстонской республики. Крупные волнения в Эстонии начались и 22 сентября 1980 в Таллине, когда было отменено запланированное после футбольного матча на стадионе «Динамо» выступление поп-оркестра «Пропеллер» из-за выявленных «националистических элементов в текстах песен». Демонстрация молодежи (не менее 1000 человек) была разогнана милицией, произошли столкновения. После этого ряд школьников-старшеклассников был исключен из школы. Это и явилось непосредственной причиной пятитысячной демонстрации школьников 1 и 3 октября 1980 в Таллине. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги: «Свобода Эстонии!», «Русские – вон из Эстонии!», «Правда и справедливость!» и др.

По всей видимости, модернизационные вызовы, с которыми пришлось столкнуться советскому руководству в сфере национальных и религиозных тенденций, застали врасплох соответствующие социальные институты. Централизация, пропагандируемая партией во второй половине 1970-х годов, в отношении управления религиозными массами, национальными группами, перестала отвечать этнической реальности. Выход на

первое место этнических проблем на фоне изменений социально-политической ситуации в СССР стал фактором лояльности населения национальных регионов к союзной и республиканской власти. У масс, долгое время бывших меньшинствами, постепенно открывались окна возможностей выбора этнических идентификаций. Эти процессы, подкрепленные перегибами в сфере конфессиональной политики в СССР, обусловили вектор развития самоопределения народностей, выразившегося в этнонациональном сопротивлении советской власти. Очевидно и то, что конструкт формы надвигающегося многополярного мира в социальной динамике непременно накладывался и на внутреннюю структуру социальных отношений в Советском Союзе. Это явление, которое мы сегодня вкладываем во все более емкое понятие «глобализация» обусловило транзит побочных эффектов в сфере сознания и интеграции различных национальных групп. На примере распада СССР отчетливо можно проследить, что глобализация далеко не способствует в ближайшем будущем интеграционным процессам в сфере национальной идентичности, а наоборот – полувековая попытка ассимиляции советских народностей обернулась борьбой на самоопределение. В конце концов, либерализация внутренней политики на волне перестройки раскрыла сепаратистские устремления советских республик, нарушив тот самый консенсус общественного содержимого «союзного договора».

Этнический фрейм действительно выступил инерционным двигателем политического кризиса в СССР, объявив легитимной демаркацию населения на «своих» и «чужих». Эскалация национальных требований, вытеснение умеренных лидеров из руководящего состава многих национальных движений стали основой национального сепаратизма. Модернизация способствовала этнической мобилизации элит, а вместе с ними и местного населения Советской Азии на борьбу за сохранение своих обычаев,

традиций и культурного своеобразия. Растущее население мусульманского мира не принимало ассимиляцию.

Поведенное исследование позволяет заключить, что советскому режиму удавалось долгое время сдерживать, но не уменьшить национализм среди этнических групп «меньшинств», которые в целом к 1980 году составляли уже более половины советского населения. Антирусский национализм выражался как в явном инакомыслии, так и в попытках национальных элит продвигать свои интересы, работая внутри системы. На популярном уровне национализм подпитывал широкий спектр других социальных проблем. К ним можно отнести и недовольство потребительским снабжением, экономическая дискриминация союзного центра, уязвимость к внешним воздействиям и отчуждение молодежи на общем фоне резкого падения доверия к власти и активизации эмиграции.

Советизация режима, в том числе в сфере этноконфессиональной динамики, несмотря на «железный занавес», все более двигалась в мейнстриме начавшейся глобализации. На государственном уровне социальные изменения выразились в обострении противоречий в азиатских регионах СССР, а также росте активности католических и протестантских общин на западных территориях, деятельности внешней поддержки со стороны зарубежных масс-медиа, в том числе через финансирование религиозного самиздата, изменение языков вещания на аутентичные азиатские, запуск программ международного обмена, а также акцентирование внимания на русификации советского общества. Это подогрело волну этномобилизационных процессов в «сложных» приграничных территориях Советского Союза. В информационном плане на регионы Советской Азии обрушились потоки «поддержки» национального и этнокультурного многообразия со стороны западных демократий». Поддержка центробежных тенденций и политических выступлений против советского

режима стало основной стрима зарубежных органов пропаганды на волне транс-глобального процесса «взрыва этничности».

Этническая мобилизация, поддержанная коммуникациями, формировала базу для дальнейшего парада суверенитетов. Сегодня очевидно, что истоки этих процессов были заложены в неосторожной запретительной политике, которая сознательно не учитывала национально-религиозный фактор, а также вековой опыт реальной борьбы ряда народов СССР за суверенитет. Дискриминация ряда конфессий вылилась в рост эмигрантских настроений, подпольному функционированию ряда культов. Это в условиях идеологического кризиса советского режима открывало возможности для расширения опасной тактики «партизанской борьбы» за этническое самоопределение. Казалось, власть не замечала того, что советские этносоциальные

проблемы – это не просто пережитки прошлого, а результат фундаментальных условий глобализации, которые режим не мог изменить. Новые механизмы идентификации, требования политического равенства – обстоятельства, которые сформировали новый принцип, при котором культурная общность и политический конструкт должны иметь из общего этнического происхождения.

Колоссальные просчеты власти на территории с компактным проживанием мусульманского населения, а также низкая информированность руководства страны о происходящих в мусульманских регионах процессах радикализации ислама и роста национальных амбиций, дополнили процессы активизации роста антисоветских настроений, а к концу 1980-х гг. – началу 1990-х послужили мобилиционной основой революций за независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Paris: YMCA-press, 1983. 86 с.
2. Балджи Б. Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 75-86.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 4. Д. 741.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
5. Гусева Ю.Н. Отечественное и зарубежное исламоведение 1980-х гг. и советско-афганская война // Российская история. 2019. Выпуск 6. С. 39-46. URL: <https://russian-history.ru/s086956870007391-1-1/>
6. Марченко Г.И. Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 5-15.
7. Миллер А. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность». 1992. № 1. С. 124-132.
8. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Политиздат, 1980. 32 с.
9. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.
10. Перепелкин Л., Шкаратан О. Экономическая модернизация и национальное возрождение // Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 87-95.
11. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 81.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 490
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 223
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 82
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 786
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 289
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 12.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 257

19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 81
20. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 1. Л. 1-2.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 26
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 476
23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 24
24. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 33.
25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 5
26. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 28
27. Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3-17.
28. Федотов Г.П. Национализм (Конспективная запись доклада) // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 117-125.
29. Христофоров В.С. Афганские события 1979-1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. Выпуск 6. С. 3-21. URL: <https://russian-history.ru/s086956870007464-1-1/>
30. Якупова Д.В., Якупов Р.А. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (50). С. 84-99.
31. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
32. Communication with the Soviet muslim world // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act (CIA FOIA). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100060072-0>
33. Deutsch W.K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry Into the Foundations of Nationality Cambridge, Mass: M. I. T. Press, 1966. 345 p.
34. Domestic stresses in the USSR // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp87t00787r000200180006-0>
35. Dissent and religion in the USSR // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000518388>
36. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, Pluto Press, 1993. 199 p.
37. FBIS coverage of the Muslim world // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100070049-5>
38. Gorski Ph., Kim D., Torpey J., VanAntwerpen J. (eds). The Postsecular in Question: Religion in Contemporary Society. NY.: NYU Press, 2012. 375 p.
39. Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a Conference sponsored by the congressional research service, 8 February 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000400130004-3>
40. Memorandum From the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). Washington, December 31, 1979 // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.
41. Problems and programs of the Russian emigres // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-03362a002200040002-9>
42. Schnee W. Nationalism: A review of the literature // J. of polit. a. milit. sociology. New Brunswick. 2001. Vol. 29. № 1. P. 1-18.
43. Soviet exploitation of religious leaders and organizations for propaganda and intelligence purposes // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp89t01451r000200230001-8>
44. Soviet Islam // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp88b00443r001500050019-0>

45. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Moscow, December 31, 1979, 1826Z28134. USSALTTWO. Subject: Afghanistan: Assessment of Soviet Motives // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bennigsen A. Musul'mane v SSSR. Paris: YMCA-press, 1983. 86 s.
2. Baldzhi B. Sud'by shiizma v postsovetском Azerbajdzhane // Jetnograficheskoe obozrenie. 2006. № 2. S. 75-86.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (GA RF). F. 10026. Op. 4. D. 741.
4. Gellner Je. Nacii i nacionalizm. M.: Progress, 1991. 319 s.
5. Guseva Ju.N. Otechestvennoe i zarubezhnoe islamovedenie 1980-h gg. i sovetsko-afganskaja vojna // Rossijskaja istorija. 2019. Vypusk 6. C. 39-46. URL: <https://russian-history.ru/s086956870007391-1-1/>
6. Marchenko G.I. Metodologicheskie podhody k issledovaniju jetnopoliticheskikh javlenij // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1995. № 1. S. 5-15.
7. Miller A. Nacionalizm kak faktor razvitija // Obshhestvennye nauki i sovremennost'». 1992. № 1. S. 124-132.
8. Naselenie SSSR po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1979 goda. M.: Politizdat, 1980. 32 s.
9. Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3-h t. T. 3. Kn. 1. 1960–1979. M.: ROSSPJeN, 2005. 304 s.
10. Perepelkin L., Shkaratan O. Jekonomicheskaja modernizacija i nacional'noe vozrozhdenie // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1991. № 2. C. 87-95.
11. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 5. Op. 89. D. 81.
12. RGANI. F. 5. Op. 64. D. 490
13. RGANI. F. 5. Op. 58. D. 223
14. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 82
15. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 786
16. RGANI. F. 5. Op. 59. D. 289
17. RGANI. F. 5. Op. 66. D. 12.
18. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 257
19. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 81
20. RGANI. F. 89. Op. 25. D. 1. L. 1-2.
21. RGANI. F. 5. Op. 64. D. 26
22. RGANI. F. 5. Op. 59. D. 476
23. RGANI. F. 5. Op. 60. D. 24
24. RGANI. F. 89. Op. 9. D. 33.
25. RGANI. F. 89. Op. 11. D. 5
26. RGANI. F. 89. Op. 9. D. 28
27. Sokolovskij S.V. Paradigmy jetnologicheskogo znanija // Jetnograficheskoe obozrenie. 1994. № 2. S. 3-17.
28. Fedotov G.P. Nacionalizm (Konspektivnaja zapis' doklada) // Voprosy filosofii. 2011. № 10. S. 117-125.
29. Hristoforov V.S. Afganskije sobytija 1979-1989 gg.: ot poznanija k osmysleniju i priznaniju // Rossijskaja istorija. 2019. Vypusk 6. C. 3-21. URL: <https://russian-history.ru/s086956870007464-1-1/>
30. Jakupova D.V., Jakupov R.A. Sovetskoe obshhestvo i vojna v Afganistane v ocenках Central'nogo razvedyvatel'nogo upravlenija // Izvestija VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2019. № 2 (50). S. 84-99.
31. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.

32. Sommuication with the Soviet muslim world // Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act (CIA FOIA). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100060072-0>
33. Deutssh W.K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry Into the Foundations of Nationality Cambridge, Mass: M. I. T. Press, 1966. 345 p.
34. Domestic stresses in the USSR // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp87t00787r000200180006-0>
35. Dissent and religion in the USSR // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000518388>
36. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, Pluto Press, 1993. 199 p.
37. FBIS coverage of the Muslim world // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp84-00868r000100070049-5>
38. Gorski Ph., Kim D., Torpey J., VanAntwerpen J. (eds). The Postsecular in Question: Religion in Contemporary Society. NY.: NYU Press, 2012. 375 p.
39. Islam and Shiism in Iran and Central Asia, comments of academic specialists in a Conference sponsored by the congressional research service, 8 February 1980 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000400130004-3>
40. Memorandum From the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). Washington, December 31, 1979 // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.
41. Problems and programs of the Russian emigres // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78-03362a002200040002-9>
42. Schnee W. Nationalism: A review of the literature // J. of polit. a. milit. sociology. New Brunswick. 2001. Vol. 29. № 1. P. 1-18.
43. Soviet exploitation of religious leaders and organizations for propaganda and intelligence purposes // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp89t01451r000200230001-8>
44. Soviet Islam // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp88b00443r001500050019-0>
45. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Moscow, December 31, 1979, 1826Z28134. USSALTTWO. Subject: Afghanistan: Assessment of Soviet Motives // Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Volume VI. Soviet Union. Washington: United States Government Printing Office, 2013. 974 p.

Поступила в редакцию 18.10.2020.

Принята к публикации 22.10.2020.

Для цитирования:

Якупов Р.А. Якупова Д.В. Этноконфессиональный вопрос в СССР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов в оценках ЦРУ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 165-179. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/Yakupov.pdf>